

либо поклажей в лодках, на возах. Порочный метод компаративистов отрицал начисто реальную историческую основу таких рассказов и представлял их „вариантами“ „международного бродячего“ сюжета. Так, в эту цепь вариантов включался рассказ старшей русской летописи под 880 г. о взятии Киева Олегом с помощью обмана: Олег, подплыв к Киеву „в лодиях“, назвался „гостем“, заманил владевших городом Аскольда и Дира. Между тем военная хитрость, описанная в этом рассказе, проста и естественна для выполнения замысла Олега, и нет никакого основания отрицать реальный исторический факт, сохраненный в народном предании.

Настойчиво возвращаясь к идее имманентного развития литературы, компаративизм пытался вывести из того же „бродячего“ сюжета полный бытовых реалий исторический рассказ Софийской второй летописи под 1446 г. о том, как, во время усабицы князя Василия с племянниками, князь Иван Можайский с воинами проникли в Троицкий монастырь, скрывшись на возах: князь „повеле сани многие изрядити, как возы с рогозинами, а иные с полстьми, а в них по два человека в доспесех, а третий после идет, как бы за возом. И как переднии уже минуша их (т. е. ратных сторожей великого князя Василия), и тако выскакаша вси из саней и изымаша их“. Совершенно очевидно, что весь этот рассказ — отнюдь не литературное украшение, что за ним стоит подлинная историческая действительность: борющиеся стороны несомненно прибегали к подобному рода уловкам, обманывая противника.

Древне-русская литература далеко не использована еще и как источник для истории фольклора в средние века. Имея записи устных произведений лишь от XVII в. и только предположительно по этим текстам заключая о наличии оригиналов их в рукописях XVI в., мы должны с особым вниманием отнестись к тем данным литературных памятников, которые позволяют судить о содержании и поэтической форме устного народного творчества.

Вот, например, автор Слова о полку Игореве, вспоминая поэтическую манеру народного певца „слав“ князьям Бояна, строит примерный запев, которым Боян начал бы свою песнь о походе Игоря Святославича: „Не буря соколы занесе чрез поля широкая; галици стады бежать к Дону великому“. Есть все основания считать, что автор Слова хорошо помнил песни своего предшественника и что, следовательно, он воспроизвел в данном случае какую-то чрезвычайно характерную черту поэтического языка Бояна. В форме отрицательного сравнения он приписал этому языку символику, построенную на образах соколиной охоты, которые потом сам он широко использует и в своем художественном стиле. Отсюда, с значительной долей вероятности, можно вывести заключение, что символы „сокол“ — воин, князь, „галици“ — враги принадлежали устной поэтике и что традиция применения этих символов, как и формулы отрицательного сравнения, имела уже по крайней мере столетнюю давность ко времени написания Слова о полку Игореве (перечисленные в Слове герои песен Бояна жили в XI—начале XII в.).